Владимир Войнович

Иванькиада,
или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру

ФТМ

Владимир Войнович

Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру

«ФТМ»

1976

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Войнович В. Н.

Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру / В. Н. Войнович — «ФТМ», 1976

ISBN 978-5-04-089650-9

«Перед тем как случиться всей этой истории, я спокойно писал своего «Чонкина», намереваясь закончить его (как всегда, на протяжении вот уже лет двенадцати) «в этом году». Только что я кое-как выбрался из очередной опалы и по некоторым признакам догадывался, что скоро попаду в следующую, будет новая нервотрепка, полное отсутствие денег и сейчас, пока после раздачи долгов еще немного осталось от двух чудом вышедших одновременно книг, надо писать «Чонкина» как можно быстрее, не отвлекаясь ни на что постороннее, но постороннее влезло, меня не спросив, и все-таки отвлекло. Неожиданно для себя я был вовлечен в долгую и нелепую борьбу за расширение своей жилплощади. Откровенно говоря, мне это не свойственно. От борьбы за личное благополучие я по возможности уклоняюсь. Ненавижу ходить к начальству и добиваться чего-то. По своему характеру я непритязателен и довольствуюсь малым. Я не гурман, не модник, не проявляю никакого интереса к предметам роскоши. Простая пища, скромная одежда и крыша над головой – вот все, что мне нужно по части благополучия. Правда, под крышей мне всегда хотелось иметь отдельную комнату для себя лично, но вряд ли такое желание можно считать чрезмерным…»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089650-9

© Войнович В. Н., 1976
© ФТМ, 1976

Содержание

Вместо предисловия 7
Часть I 9
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Владимир Николаевич Войнович Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру

Посвящается Сергею Сергеевичу Иванько и его товарищам, безвозмездно предоставившим в распоряжение автора богатейший фактический материал и пищу для размышлений.

© Войнович В., текст, 2017
© Барбышев Ф., иллюстрация на переплете, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Вместо предисловия

Перед тем как случиться всей этой истории, я спокойно писал своего «Чонкина», намереваясь закончить его (как всегда, на протяжении вот уже лет двенадцати) «в этом году». Только что я кое-как выбрался из очередной опалы и по некоторым признакам догадывался, что скоро попаду в следующую, будет новая нервотрепка, полное отсутствие денег и сейчас, пока после раздачи долгов еще немного осталось от двух чудом вышедших одновременно книг, надо писать «Чонкина» как можно быстрее, не отвлекаясь ни на что постороннее, но постороннее влезло, меня не спросив, и все-таки отвлекло. Неожиданно для себя я был вовлечен в долгую и нелепую борьбу за расширение своей жилплощади. Откровенно говоря, мне это не свойственно. От борьбы за личное благополучие я по возможности уклоняюсь. Ненавижу ходить к начальству и добиваться чего-то. По своему характеру я непритязателен и довольствуюсь малым. Я не гурман, не модник, не проявляю никакого интереса к предметам роскоши. Простая пища, скромная одежда и крыша над головой – вот все, что мне нужно по части благополучия. Правда, под крышей мне всегда хотелось иметь отдельную комнату для себя лично, но вряд ли такое желание можно считать чрезмерным.

Так вот вопреки своему характеру я вдруг вступил в отчаянную борьбу. На несколько месяцев «Чонкин» был забыт совершенно. Несколько месяцев я только тем и занимался, что писал письма и заявления, ходил по начальству, звонил по телефону, собирал сторонников, хитрил, злился, выходил из себя, съел несколько пачек седуксена и валидола и только благодаря все-таки еще неплохому здоровью вышел из борьбы без инфаркта. Я пытался сохранить спокойствие, но мне это не всегда удавалось. Меня спасло то, что на каком-то этапе борьбы я решил, что ко всему надо относиться с юмором, поскольку всякое познание есть благо. Я успокоился, ненависть во мне сменилась любопытством, которое мой противник удовлетворял активно, обнажаясь как на стриптизе. Я уже не боролся, я собирал материал для данного сочинения, а мой противник и его дружки деятельно мне помогали, развивая этот грандиозный сюжет и делая один за другим ходы, которые, может быть, не всегда придумаешь за столом. Сюжет этот не просто увлекателен, он, мне кажется, объясняет некоторые происходящие в нашей стране явления, которые не то что со стороны, а изнутри не всегда понятны.

Ну, например, почему не печатают «*Архипелаг ГУЛаг*», понять еще можно. Для этого надо изменить всю внутреннюю политику. Но для издания, например, «*Доктора Живаго*» менять ничего не нужно. Нужно просто издать тиражом, соответствующим спросу, получить достойную прибыль и избавиться навсегда от вопросов: «Почему у вас не печатают этот роман?» Почему художнику, пусть хоть самому разабстракционисту, не разрешить выставить свою картину на каком-нибудь пустыре? Разве мощь нашего государства пошатнется хоть на миллиметр? Вам кажется – нет? Мне тоже. Так для чего ж давить эту картину бульдозером? Некультурно, и денег стоит. Сложите амортизацию бульдозера, двойную ставку (за выходной день) бульдозеристу, да и солярка во всем мире подорожала[1].

Я намеренно не касаюсь нравственной стороны вопросов. Я говорю только о целесообразности. Я спрашиваю: отчего наше сверхгосударство так часто действует против себя без всякого видимого смысла?

Западные советологи да и наши некоторые мыслители объясняют все догматическим следованием марксизму. Сидит вроде в своем служебном кресле этакий правоверный догматик и

[1] Теперь, как известно, положение изменилось к лучшему. С разрешения властей состоялось несколько выставок так называемых неофициальных художников. И хотя некоторые произведения (например, пальто художника Одноралова) показались неподготовленному зрителю, может быть, несколько необычными, держава наша перенесла этот удар и по-прежнему крепко стоит на ногах.

ортодокс и, вцепившись одной рукой в бороду Маркса, другой листает «*Капитал*», сверяя по нему каждый свой шаг. Так ли это?

Насчет Маркса ничего определенного сказать не могу, я его не читал. Но, живя в этой стране вот уже пятый десяток, присматриваясь к нашей жизни, что-то я потерял из виду этого ортодокса. Видать, тихо скончался и похоронен без почестей. Но из розового миража возникает передо мной не догматик, не ортодокс, а деятель нового типа, которого я и спешу вам представить, любезный читатель.

Часть I

Коммунист Иванько

Для изучения жизни не надо ездить в творческие командировки и напрасно расходовать казенные деньги. Изучайте жизнь там, где живете, это гораздо продуктивнее и дешевле. Загляните хотя бы в наш двор. Посмотрите, какие люди, какие типы, какие судьбы! Наверное, на КамАЗе или на БАМе тоже встречаются интересные люди, но не в такой пропорции.

Дом наш не то чтобы какой-то особенный, но и нельзя сказать, что обычный. Проживают здесь инженеры человеческих душ, члены жилищно-строительного кооператива «Московский писатель». Есть на свете немало людей, которые в жизни не видели ни одного живого писателя. А у нас их больше сотни. Известные, малоизвестные и неизвестные вовсе. Богатые, бедные, талантливые, самобытные, бездарные, левые, правые, средние и никакие. Знают друг друга десятки лет. В прежние времена ели друг друга, теперь мирно живут под одной крышей и те, кто ел, и те, кого ели, но не доели.

Вон видите, подпрыгивающей походкой торопится по двору старичок, жалкий, немощный, тонкий, как одуванчик. С Одуванчика, правда, весь пух уже сдуло – маленькая голова качается на тонкой шейке-стебельке. Жалко вам старичка? А ведь говорят, был он некогда генеральным прокурором Украины, носил четыре ромба в петлицах. Не каждый, кому пришлось встретиться с Одуванчиком в то славное время, дожил до столь почтенного возраста, чтоб его было жалко. А тот, который сейчас поддерживает Одуванчика под локоток, носил шпалы, но не в петлицах, а на плечах, там, куда Одуванчик, тогда еще не обдутый, его в свое время направил.

Что и говорить, разные люди живут в нашем доме, люди с самыми причудливыми биографиями. Потомки аристократических фамилий, бывшие большевики, меньшевики, чекисты, троцкисты, уклонисты, лауреаты Сталинских премий, космополиты, ортодоксы, ревизионисты, секретари Союза писателей – кого только нет.

Еще недавно с гитарой в чехле ходил из подъезда в подъезд Галич. «Ну, что говорят о моем романе?» – спрашивал каждого встречного Бек.

Иных уж нет, а те далече.

Аркадий Васильев, чекист, писатель, обвинитель Синявского и Даниэля, тоже жил в нашем доме. Теперь не живет. Теперь он лежит на Новодевичьем кладбище между Кочетовым и Твардовским, неподалеку от Хрущева.

Все смешалось.

Но еще не все померли и не все уехали. Есть и сейчас в нашем доме интересные люди. Потолкавшись в нашем дворе, самого Симонова вы можете встретить.

А вот еще персонаж: бежит по двору тетенька не первой молодости, курит длинную папиросу, бравирует произнесением нецензурных словечек и несет в авоське… – ни за что не догадаетесь… произнести страшно… дух захватывает… «*Архипелаг ГУЛаг*». И всем наперебой предлагает, совсем не скрываясь, прочесть. Батюшки, что же это в нашем дворе творится, если таскают открыто подрывную литературу? Да где ж наш свисток? Не пора ли свистнуть кому надо? Не спешите, тетенька и сама вас сведет куда надо при случае, ибо именно там она книжечку и взяла. И вам она предлагает ее не за так, а за то, что вы, ознакомившись с отдельными абзацами насчет генерала Власова, напишете в газету отклик, разумеется, не положительный.

Допустим, вы отказываетесь. «Знаете, я с удовольствием бы, но вот как раз именно сейчас еду в Новосибирск…» – и начинаете рыться в карманах как бы в поисках билетов, которых

вы не покупали. Ну, нет так нет, наша тетенька не обижается и бежит за другим товарищем, возможно, у того поезд еще не подошел. А вот и за ней бежит человек, дайте ему почитать или хотя бы подписать отклик без чтения… он давно не печатался, ему хотя бы фамилию свою где-нибудь тиснуть, ан нет, не дорос еще, тут нужны писатели авторитетные, с именами.

Но если уж очень хочется публично выступить и заявить «вот он я», для этого нужно только дождаться очередного собрания пайщиков. Там почти полная демократия. Хочешь высказаться, тяни повыше руку, заметят – дадут слово, не то что в Союзе писателей.

Собрания эти проходят, как правило, бурно. Кипят неутоленные общественные страсти, скрещиваются копья, возникают и распадаются враждующие между собой группировки.

На одном из таких собраний, а именно 27 января 1973 года, я впервые услышал фамилию человека, которому впоследствии суждено было стать героем этих записок. Собрание это запомнилось мне прежде всего потому, что на нем решалось, кому будет принадлежать освободившаяся двухкомнатная квартира. Претендентов было двое – автор этих строк и некий Павел Липатов, сын жены писателя Воробьева. Выступали болельщики с обеих сторон. Один из выступавших в мою пользу призвал собравшихся учесть ошибки прошлого и заботиться о писателях, пока они живы. Поскольку выступавший был человеком эмоциональным, он неожиданно для всех, а может быть, даже для самого себя, сравнил происходящее с событием гораздо более крупного масштаба.

– Я помню, – сказал он, – казнь Пастернака…

Наверное, казнь Пастернака здесь была ни при чем. Собрание в основном было на моей стороне и потом, когда дошло до голосования, предоставило квартиру мне подавляющим большинством голосов. Я от квартиры отказался в пользу Липатова, который был первым по очереди, но попросил собрание подтвердить мое право на следующую двухкомнатную квартиру. Собрание мою просьбу поддержало единогласно, что и было записано в протоколе.

Я не упоминал бы этого небольшого события, если бы оно не имело значения для дальнейшего развития нашего сюжета.

А теперь вернемся к выступлению моего болельщика. Итак, он сказал:

– Я помню казнь Пастернака…

Договорить фразу до конца ему не дали. В заднем ряду поднялся хорошо упитанный человек средних лет в белой водолазке, со скучным лицом, которое трудно запомнить. Редкие волосы были зачесаны с боку на бок и аккуратно распределены по темени, которого все-таки полностью не прикрывали.

– Я, как коммунист, – сказал он, ни на кого не глядя, – протестую против этих слов «казнь Пастернака».

Сказав это, человек сел на свое место и равнодушно отвернулся к окну. Похоже было, что его заявление сделано им было без всякого энтузиазма и не в порыве действительного негодования, а чтобы никто не мог упрекнуть его, что он был, слышал такие слова и смолчал.

Присутствовавшие на собрании удивленно повернули головы к этому человеку, произошла небольшая заминка, а дальше все продолжалось своим чередом.

После собрания я кого-то спросил, кто был тот бдительный коммунист. Мне сказали: какой-то не то Ива`нько, не то Иванько`, член правления нашего кооператива. Этим ответом я был вполне удовлетворен и о человеке из заднего ряда тут же забыл.

Я не знал, что не пройдет и месяца, как судьба столкнет меня с этим человеком, и на протяжении долгого времени он будет занимать все мои мысли и разжигать мое любопытство.

Арон Куперштok отбывает на историческую родину

Ура! Ура! Писатель Андрей Кленов, он же Арон Куперштok, получил разрешение на выезд в Израиль. Он оставляет двухкомнатную квартиру. Говорят, это отличная квартира.

Комнаты по семнадцать квадратных метров, с окнами на две стороны, с двумя балконами… Наше с женой терпение вознаграждается. Пять лет мы жили в однокомнатной квартире, пять лет ждали своей очереди. Наша однокомнатная квартира в доме – единственная. Мы дольше других ждали, мы больше других нуждаемся, мы эту квартиру получим. Наше право на нее бесспорно и подтверждено последним собранием. Теперь у меня будет своя комната, где в благодатной тишине я смогу творить свои бессмертные или какие получатся сочинения. Вы представляете, отдельная комната! Сколько живу, никогда не знал такой роскоши. Вот явился бы какой-нибудь добрый волшебник и спросил бы единственное желание, я сказал бы: хочу отдельную комнату.

Идя по двору, встретил одного мудреца (фамилию его опущу). Он говорит:

– Вам надо быть бдительным, чтобы не упустить квартиру Кленова.

– Зачем же мне быть бдительным, – спрашиваю, – если, кроме меня, на эту квартиру нет реальных претендентов?

– Вы так думаете? – усмехается он. – Я квартиру Кленова знаю. Это очень хорошая квартира. Хотите точный прогноз?

– Ну?

– Вы эту квартиру получите, но с очень большим трудом.

– Вы знаете какие-то факты?

– Я знаю один факт: это очень хорошая квартира, и не может того быть, чтобы кто-то на нее не позарился.

Иду дальше. Кивая, бежит навстречу переводчик Яков Козловский. У него, как всегда, вид собаки, которая спешит что-то разнюхать, но при этом опасается, как бы кто из прохожих не огрел палкой. Говорит в обычной своей манере, приседая, оглядываясь и шепотом:

– Старик, не надейся напрасно, эту квартиру ты не получишь.

– Почему?

Он опять оглядывается (никто не следит?).

– Старик, я тебе сказал все, что мог.

И, оставив меня в недоумении, бежит дальше.

Поневоле начинаю волноваться. Вокруг освобождающейся квартиры что-то происходит, плетутся какие-то интриги. На каждом шагу встречаю доброжелателей, которые предупреждают:

– Вам надо смотреть в оба, вы должны бороться.

Почему бороться и с кем? Где тот противник, которого я должен уложить на лопатки?

Из дневника

13 февраля

На завтра назначено правление кооператива. Иду к одному из членов правления, прошу, если что, за меня заступиться.

– Вы знаете, – говорю, – мне об этом пока неудобно оповещать всех, но если вы на правлении будете решать это дело и возникнут какие-то сложности, уж вы, пожалуйста, имейте в виду, что, кроме всего прочего, моя жена беременна, правда, всего только на третьем месяце, но, поскольку у меня и других прав достаточно, на всякий случай, пусть это будет еще одним аргументом.

14 февраля

Вечером звонок в дверь. Является член правления, к которому я обращался.

– Вот что, дети мои, – сказал он мне и моей жене. – Только что мы заседали. Я вынужден вас огорчить. Видимо, кленовскую квартиру вы не получите. Но ничего, вам дадут квартиру

Бажовой. Она, правда, похуже – комнаты маленькие и на одну сторону, но все-таки двухкомнатная.

Ничего не могу понять. Кто такая Бажова? Почему я должен получать ее квартиру, в которой она живет, а не кленовскую, которая свободна?

Наш гость объясняет. Выступил председатель кооператива Турганов. Он сказал, что при проектировании дома была допущена ошибка. В доме только одна однокомнатная квартира. А между тем подрастают дети, некоторые хотят разделяться, разъезжаться. Например, Бажова хочет отделиться от сына и разменять свою двухкомнатную квартиру на две однокомнатные. Так вот, если от квартиры Куперштока (настоящую фамилию Кленова Турганов произносит старательно и с явным подтекстом) отделить одну комнату, то останется еще комната с кухней, ванной и уборной, то есть однокомнатная квартира. Дальше все просто: Войнович въезжает в квартиру Бажовой, Бажова получает квартиру Войновича и ту, которая останется от квартиры Куперштока.

Слушая это, я по-прежнему не могу ничего понять. В чем дело? Почему из двухкомнатной квартиры надо делать однокомнатную? А что будет с той комнатой, которая останется без кухни, ванной и уборной?

Оказывается, в этой комнате как раз все дело. Сергей Сергеевич Иванько просит улучшить его жилищные условия и присоединить эту комнату к его квартире.

Опять не легче. Что же, этот Иванько очень нуждается? У него плохая квартира? Нет, у него на троих трехкомнатная квартира, одна из лучших в нашем доме. Может быть, он долго стоял в очереди? Нет, он живет в нашем доме меньше других, с 1969 года, в октябре прошлого года подавал какое-то заявление на улучшение жилищных условий, просил четвертую комнату. Почему он просил четвертую комнату? На каком основании? Просить можно что угодно, я тоже могу попросить четыре комнаты, но мне же их никто не даст.

– Вы сказали, что у меня жена в положении?

– Да, конечно, – говорит мой собеседник. – Больше того, я сказал: «Я все понимаю, может быть, нашему уважаемому Сергею Сергеичу действительно нужна эта комната, но ведь Войнович живет в однокомнатной квартире, жена беременна. Сергей Сергеич, неужели вам не будет неуютно в роскошной четырехкомнатной квартире, зная, что ваш товарищ, писатель, ютится с женой и ребенком в одной комнате?»

– А он что же? – не выдержал я.

– А он? А он мило улыбнулся и говорит: «Ну, через это я как раз могу переступить».

Тут я даже руками развел:

– Прямо так и сказал?

– Да, – ответил наш гость смущенно, – прямо так и сказал.

– Ну а вы, – спросил я, – вы, конечно, возмутились, вы сказали, что он слишком много себе позволяет?

– Нет, – смутился наш гость еще больше, – я ничего не сказал. Я обалдел.

Обалдеешь!

Приходит в голову еще вопрос:

– А что же эта Бажова, она понимает, что в нашем доме две однокомнатные квартиры будут стоить вдвое дороже, чем ее одна двухкомнатная? Может, она миллионерша?

– Нет, она довольно бедная женщина, но Иванько говорит, что он ей поможет.

– То есть просто купит для нее одну из этих квартир?

– Вероятно.

– И за эту комнату, которую он хочет, тоже заплатит?

– И заплатит еще за то, что пробьют капитальную стену.

– Значит, он миллионер?

– Во всяком случае, за расходами не стоит.

– Но ведь долбить капитальную стену архитектурными нормами строго запрещено.

– Он говорит, ему разрешат.

– Да кто же он такой?

– Я не знаю, кто он такой. Писатель, вероятно. Говорят, член Союза.

– А я кто, по-вашему?

– Володя, ну что вы ко мне пристали, – рассердился наш гость. – Я вам говорю то, что было. Раз он так высказывается, значит, считает, что может себе позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.